

U 98
2

Д. Н. Анучинъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

СТОЛѢТІЕ

„ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА“.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1891.

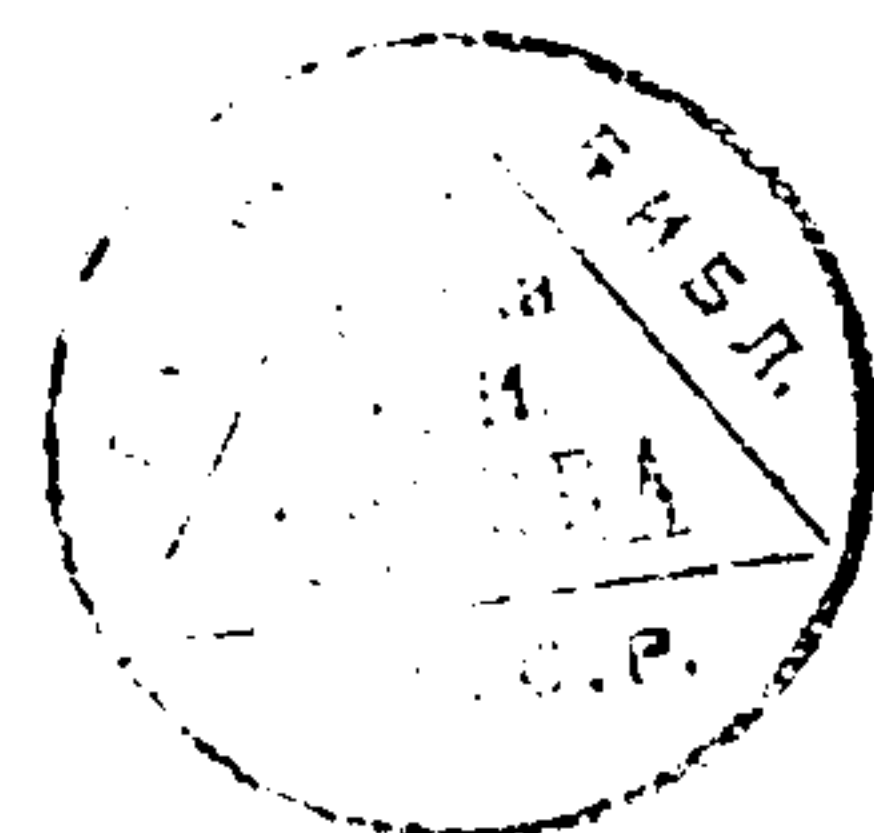
198
2

Д. Н. Анучинъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

СТОЛѢТІЕ

„ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА“.

ф. 31-1446

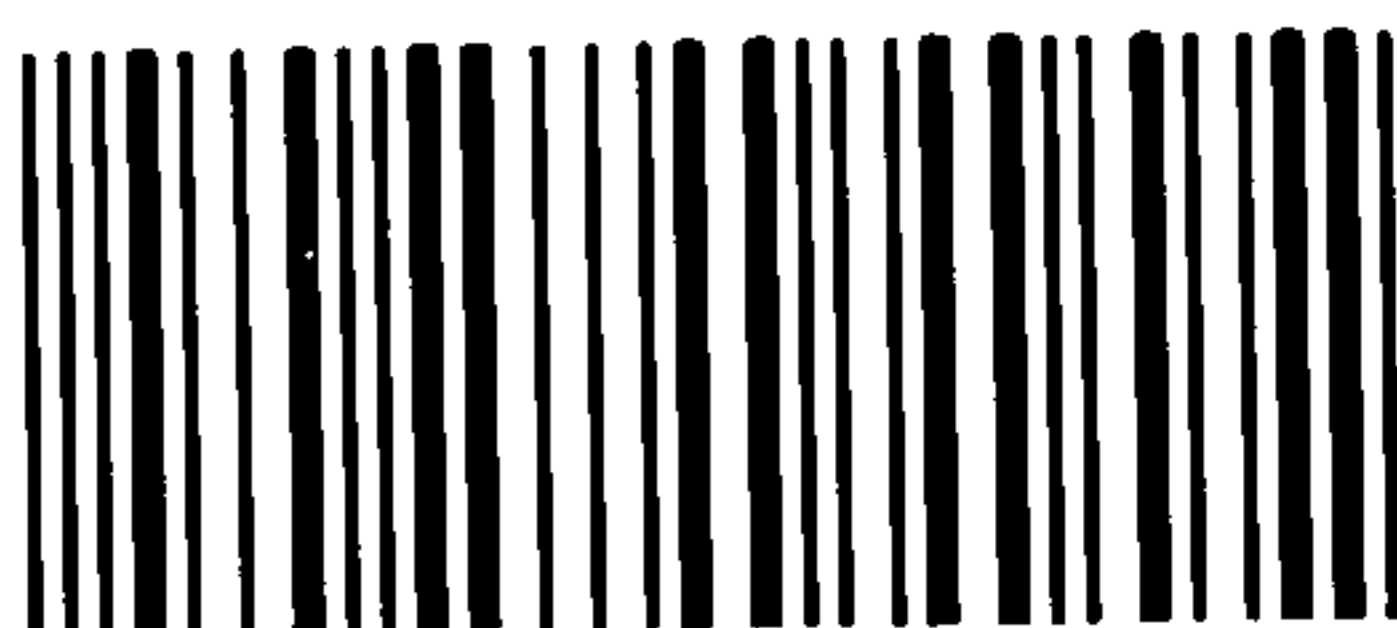
МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1391.

4

2007050525

Столѣтіе „Писемъ русскаго путешественника“.

I.

«Московскій Журналъ» 1791—1792 гг.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось сто лѣтъ со времени появленія въ Москвѣ первыхъ книжекъ *Московского Журнала*, и въ нихъ первыхъ *Писемъ русскаго путешественника*—Карамзина. Начавшись въ январской книжкѣ 1791 г., *Письма* помѣщались въ теченіе всего этого года, а затѣмъ и слѣдующаго, продолжались въ сборникѣ *Аглая* и вышли, наконецъ, отдѣльнымъ изданіемъ, въ четырехъ частяхъ, въ 1797 г. и въ послѣднихъ двухъ, пятой и шестой, въ 1799—1801 гг. Такъ какъ *Письма русскаго путешественника* составились изъ дѣйствительныхъ писемъ, которыя посылалъ изъ-за границы Карамзинъ къ своимъ друзьямъ, А. А. и Н. И. (мужу и женѣ) Плещеевымъ въ 1789—90 гг., то, очевидно, они были закончены уже въ 1790 г., и только внѣшнія обстоятельства были причиною, что печатаніе ихъ растянулось на нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны, уже первыя напечатанныя *Письма* явственно отмѣтили собою новую эпоху въ исторіи нашего литературнаго слога и языка и выдвинули Карамзина, какъ одного изъ первыхъ дѣятелей этой новой эпохи и одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей современнаго ему поколѣнія. Вотъ почему время появленія первыхъ *Писемъ русскаго путешественника* можетъ считаться, въ одно и то же время, и важною гранью въ литературной дѣятельности Карамзина, и замѣтнымъ моментомъ въ развитіи русской словесности, а потому и столѣтній юбилей первыхъ *Писемъ* заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ текущей печати воспоминаніемъ объ этомъ выдающемся произведеніи русской литературы конца прошлаго столѣтія.

Первыя *Письма русскаго путешественника* появились (до письма изъ Парижа отъ 27 марта 1790 г. включительно) въ издававшемся Карамзинымъ въ 1791—92 гг. *Московскомъ Журналѣ*. Мысль объ изданіи журнала возникла у Карамзина еще за границей. Возвратившись въ Россію моремъ осенью 1790 г., онъ остановился въ Петербургѣ, познакомился тамъ, чрезъ посредство своего пріятеля И. И. Дмитріева, съ Державинымъ и пригласилъ

его, Дмитріева и другихъ литераторовъ къ сотрудничеству въ проектированномъ имъ журналѣ. Приѣхавъ въ Москву и поселившись въ домѣ своихъ друзей Плещеевыхъ, Карамзинъ немедленно принялся за осуществленіе своей мысли и уже въ № 89 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 6 ноябля 1790 г., появилось объявленіе о приѣмѣ подписки на новый журналъ, имѣвшій выходить съ января 1791 г. ежемѣсячно, книжками страницъ до 100 и болѣе, за цѣну въ Москвѣ 5 р. въ годъ, а въ другихъ городахъ съ пересылкою 7 р. Подобные журналы и объявленія о нихъ въ то время уже не составляли рѣдкости въ Россіи. Не считая *С.-Петербургскихъ* (академическихъ) и *Московскихъ* (университетскихъ) *Вѣдомостей*, за тридцать два года, съ 1759 по 1790 г. включительно, возникло не менѣе 80 періодическихъ изданій, большинство которыхъ имѣло, впрочемъ, кратковременное существованіе, годъ (и даже меньше) или много два-три. Изданія эти возникали какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ и даже въ провинціальныхъ городахъ—Ярославлѣ, Тобольскѣ. Издавались они и академіей наукъ, и обществами (вольно-экономическимъ, вольнымъ руссійскимъ собраніемъ), и при учебныхъ заведеніяхъ (Шляхетномъ и кадетскомъ корпусѣ, Московскомъ университетѣ и др.), и частными лицами, русскими и иностранцами, чиновными и нечиновными. Были въ числѣ этихъ журналовъ и литературные и научные, сатирическіе и мистическіе, посвященные исторіи и естествознанію, духовно-нравственные, сельско-хозяйственные, музыкальные, модные и т. д. Число журналовъ постепенно возросло и въ 1791 г., когда на поприще журналистики выступилъ Карамзинъ, ихъ имѣлось уже (кромѣ *Вѣдомостей*) 15, изъ коихъ 4 возникли (какъ и *Московский Журналъ*) въ этомъ году, а прочіе составляли продолженіе основанныхъ однимъ или нѣсколькими годами раньше. Порядокъ выхода, форматъ и цѣна *Московского Журнала* также не отличались ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ журналовъ того же времени, тѣмъ не менѣе, новый журналъ во многомъ выдѣлился изъ среды своихъ собратій и представлялъ собою шагъ впередъ въ развитіи русской журналистики.

Уже самое названіе новаго журнала, по своей простотѣ, выдѣляло его изъ другихъ, ему современныхъ. Въ то время предпочитали большею частью длинныя и замысловатыя названія, вродѣ, напримѣръ: *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*; *Иртышъ, превращающійся въ Иннокрену*; *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*; *Дѣло отъ бездѣлья или пріятная забава, рожающая улыбку на чель угрюмыхъ*; *Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія*; *Иннокрена или утѣхи любословія* и т. п. Карамзинъ постарался дать самое простое названіе: «Журналу,—сказалъ онъ въ своемъ объявленіи,—надобно дать имя, онъ будетъ издаваемъ въ Москвѣ, и такъ имя готово—*Московский Журналъ*» *). Объявленіе о подпискѣ на

*) Возможно, впрочемъ, что это названіе было отчасти подражаніемъ тогдашнему *Берлинскому Журналу*, подобно тому какъ издававшіеся около этого времени въ Петербургѣ *Зритель* и *С.-Петербургскій Меркурій* были названы такъ въ подражаніе англійскому *Spectator* и парижскому *Mercure de France*.

новый журналъ отличалось также простотою и скромностью сравнительно съ тѣмъ, что представляли другія подобныя объявленія въ то время. Правда, тогда не умѣли еще привлекать публику такими заманчивыми обѣщаніями, какими пользуются многіе новѣйшіе издатели, тѣмъ не менѣе, и въ то время уже старались возбудить вниманіе подписчиковъ разъясненіемъ пользы періодическихъ изданій, витіеватыми посвященіями вельможамъ, а чаще громкими обѣщаніями: «питать вкусъ читателей, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для всего величайшую разборчивость въ помѣщеніи матерій и ничего не упустить, чтобы журналъ приносилъ удовольствіе и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ обрѣтать что-нибудь такое, что бы удовлетворять могло собственному его вкусу и склонностямъ» *). Одинъ издатель объявлялъ, что главное попеченіе его «посвящено будетъ на то, чтобы пьесы были самыя соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикой... яко плоды кроткой, благонамѣренной литературы, между всѣми просвѣщенными народами растворяющей жизнь благородную невиннымъ и полезнымъ удовольствіемъ». Другой увѣрялъ, что его журналъ «будетъ не въ числѣ такихъ, которые по прочтеніи ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ умноженію библіотеки, но что оный всегда имѣть и по-часту употреблять весьма будетъ нужно всякому, какого бы онъ званія и чина ни былъ». Въ числѣ издателей были и такіе, которые старались побудить къ подпискѣ угрозой, что потомъ журналъ будетъ продаваться дороже; другіе всячески увѣряли въ своей аккуратности, замѣчая, что «обмануть публику—значитъ оскорблять нѣчто священное», или старались прельстить предложеніемъ, что кто подпишется на десять экземпляровъ, получитъ одиннадцатый бесплатно. Иные, наконецъ, пробовали стыдить неподатливую публику; такъ, Туманскій, въ объявленіи о своемъ *Россійскомъ Магазинѣ* (1792—94 гг.), восклицалъ: «Неужели любители наукъ и усердные сыны, о прямомъ своего отечества познаніи старающіеся, оставятъ сіе предпріятіе безъ подкрѣпленія? И думать стыжусь. Конечно, стыдно».

Ничего подобнаго въ объявленіи о *Московскомъ Журналѣ* не было. Карамзинъ прямо начинаетъ съ «содержанія» журнала, которое можетъ быть сведено, въ главныхъ чертахъ, къ пяти рубрикамъ: 1) русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ; 2) переводы небольшихъ иностранныхъ сочиненій съ извѣстіями о новыхъ важныхъ книгахъ, выходящихъ на иностранныхъ языкахъ; 3) «критическія разсматриванія русскихъ книгъ, особенно оригинальныхъ»; 4) «извѣстія о театральныя пьесахъ, съ замѣчаніями на игру актеровъ»; 5) смѣсь. Какъ ни проста можетъ казаться эта программа (или «планъ», какъ ее называетъ Карамзинъ), однако, именно этой-то простоты, соединенной съ сознаніемъ того, что требовалось для литературнаго журнала, и не было въ «планахъ» тогдашнихъ періодическихъ изда-

*) Объявленіе объ изданіи на 1791 г. *Чтенія для вкуса, разума и чувствованій*.

ній. Въ планѣ одного журнала встрѣчаемъ, на примѣръ, такія рубрики: «Нравоученія ко впечатлѣнію добродѣтели»; «Ко увеселенію сердца и разбитію скучныхъ мыслей отличными, забавными, смѣшными и замысловатыми сказаніями» и т. п.; въ планѣ другаго находимъ: «Побужденія къ добродѣтели»; «Острыя и замысловатая шутки»; «Справедливыя, невредныя и ни до кого лично не касающіяся критики» и т. д. Хотя большинство издателей и заявляло о своемъ намѣреніи печатать «статьи въ стихахъ и прозѣ, русскаго сочиненія и переводимыя съ иностранныхъ языковъ», однако, послѣднія преобладали, а въ нѣкоторыхъ журналахъ составляли даже единственное содержаніе. Издатель одного журнала (въ 1793 г.), въ отвѣтъ на чей-то упрекъ въ маломъ числѣ «сочиненій» (т.-е. оригинальныхъ статей), оправдывался тѣмъ, что онъ «ихъ мало получалъ», что «сочиненія вообще требуютъ много времени, требуютъ зрѣлости въ литературѣ, до которой мы еще не достигли». Со стороны Карамзина было поэтому довольно смѣлымъ поставить на первомъ мѣстѣ «русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ», да еще такія, которыя «могутъ доставлять удовольствіе читателю». Но онъ заручился сотрудничествомъ Державина, Дмитріева и другихъ, а для прозы имѣлъ въ виду собственныя *Письма русскаго путешественника* и другія свои, какъ онъ выражался послѣ, «бездѣлки». Интересна и другая особенность карамзинскаго объявленія. Большинство издателей старались о томъ, чтобы угодить читателямъ «всякаго роду и званія», обѣщая «питать ихъ вкусъ и занимать разумъ» или «плѣнять красотою добродѣтели», и всѣ вообще обращались съ просьбою къ своимъ читателямъ присылать въ журналъ свои «творенія», обѣщая помѣщать ихъ «съ чувствительнѣйшею признательностью». Карамзинъ, напротивъ того, заявилъ, что будетъ печатать только то, «что можетъ нравиться людямъ, имѣющимъ вкусъ», что онъ будетъ принимать съ благодарностью «все хорошее и согласное съ его планомъ, въ который не входятъ только теологическія, мистическія, слишкомъ ученныя, педантическія, сухія пьесы». Устраненіемъ такихъ «пьесъ» Карамзинъ подступалъ, конечно, ближе къ дѣйствительной задачѣ литературнаго журнала, и дальнѣйшая дѣятельность его, какъ журналиста, доказала, что онъ умѣлъ и выбирать интересное, и устранять, по возможности, сухое и скучное.

1 января 1791 г. было объявлено въ *Вѣдомостяхъ* о выходѣ первой книжки *Московскаго Журнала*. Эта книжка была составлена такъ, что несомнѣнно могла быть прочитана съ интересомъ отъ начала до конца. Въ ней были помѣщены стихотворенія Державина, Дмитріева, Карамзина и друг., первыя *Письма русскаго путешественника*, изложеніе *Эмили Галотти* Лессинга и разборъ игры этой трагедіи на московской сценѣ, изложеніе тогдашней русской литературной новости, *Кадма и Гармоніи* Хераскова, съ указаніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ этомъ «древнемъ повѣствованіи», и переводъ французской рецензіи (изъ *Mercur de France*) о путешествіи Ле-Вальяна въ южную Африку, съ интересными подробностями о бытѣ тамошнихъ дикарей. Послѣдующія книжки представляли не мень-

шій интересъ. Онѣ начинались всегда стихотвореніями, затѣмъ слѣдовали *Письма русскаго путешественника* и другая проза, сначала преимущественно переводная, послѣ и оригинальная, біографическіе очерки (между прочимъ, жизнь извѣстнаго Каліостро, о которомъ тогда было много толковъ), отчеты о московскихъ и парижскихъ спектакляхъ, рецензіи книгъ (представлявшія первыя попытки литературной или, точнѣе, стилистической критики), смѣсь и т. д.

Въ слѣдующемъ году *Московскій Журналъ* сталъ еще интереснѣе и разнообразнѣе. При той же программѣ, въ немъ начали появляться оригинальныя повѣсти Карамзина: *Бѣдная Лиза*, *Наталья боярская дочь* и другія, также историческіе очерки, переводы изъ Шиллера, Монтескьё, біографіи Клопштока и Виланда и т. д. Но, вслѣдствіе отлучекъ Карамзина въ деревню, нѣкоторыя книжки запаздывали выходомъ, а въ послѣдней, декабрьской, книжкѣ Карамзинъ неожиданно объявилъ, что *Московскій Журналъ* заключается и что мѣсто его «заступятъ» отдѣльныя книжки (сборники), которыя будутъ издаваться несрочно и безъ подписки.

Причины, почему Карамзинъ рѣшилъ прекратить изданіе журнала, не достаточно выяснены. Съ одной стороны, его могла отягощать срочность составленія и выдачи книжекъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, въ одно и то же время, и издателемъ, и редакторомъ. Позже, въ 1802—1803 гг., онъ не испугался почти удвоенной срочности, принявъ на себя редакцію *Вѣстника Европы*, выходившаго два раза въ мѣсяцъ, книжками не менѣе 5 печатныхъ листовъ. Но необходимо принять во вниманіе, что тогда онъ былъ только редакторомъ, а изданіе приняли на себя содержатели московской университетской типографіи. Кромѣ того, и условія литературнаго дѣла въ это время, съ воцареніемъ Александра I, во многомъ измѣнились къ лучшему. Эти условія, какъ они сложились къ концу царствованія Екатерины II, имѣли, повидимому, несомнѣнное вліяніе на «омраченіе духа» Карамзина и на ограниченіе Карамзинымъ своей литературной дѣятельности. Въ концѣ 1791 г. была закрыта извѣстная «типографическая компанія», организованная Новиковымъ, а въ апрѣлѣ 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость; друзья его были также разосланы по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ. Карамзинъ былъ несомнѣнно пораженъ участію людей, которымъ онъ былъ значительно обязанъ своимъ развитіемъ и которыхъ привыкъ цѣнить и уважать. Вообще горизонтъ становился настолько мраченъ, что возбуждалъ опасеніе. Въ августѣ 1792 г. московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, допрашивая одного изъ членовъ дружескаго масонскаго общества, кн. Трубецкаго, освѣдомлялся и о Карамзинѣ, хотя онъ «ѣздилъ вояжиромъ» не по порученію общества, а «на свои деньги».

Однимъ изъ поводовъ къ прекращенію журнала могло быть и недостаточное число подписчиковъ. Въ концѣ 1791 г. Карамзинъ жаловался, что у него на первый годъ было только 300 «субскрибентовъ». Въ дѣй-

ствительности ихъ было еще менѣе, если судить по перечнямъ подписчиковъ, помѣщеннымъ въ концѣ различныхъ книжекъ журнала, именно—все-го 256. На слѣдующій годъ число это нѣсколько возросло, но немного—до 294. Карамзинъ, между тѣмъ, если издавалъ и не съ корыстною цѣлью, то, все-таки, надѣялся на нѣкоторое вознагражденіе за свой трудъ. Но такая надежда въ то время была обманчива: число читателей было вообще очень ограничено, а подписчиковъ и подавно. Какъ ни мала цифра 300 «субскрибентовъ», но и ея достигалъ въ то время рѣдкій журналъ. Очень часто это число ограничивалось сотней или даже десятками. Нѣкоторые журналы прерывались на первой книжкѣ или даже заявляли о себѣ только объявленіемъ. *Библіотка ученая, экономическая...* и т. д., издававшаяся въ 1793—94 гг., въ Tobольскѣ, П. Сумароковымъ, имѣла всего 111 подписчиковъ. *Утренніе Часы* 1788 — 89 гг. заявляли въ своемъ объявленіи, что къ изданію журнала «не можно приступить иначе, какъ по собраніи двухъ сотъ подписчиковъ», но на самомъ дѣлѣ приступили при 48, окончили годъ при 102 и прекратились въ началѣ слѣдующаго года. Издатель *С.-Петербургскаго Еженедѣльнаго Изданія* 1778 г. заявлялъ при его прекращеніи, что оно обошлось ему въ 2,000 руб., «а съ подписавшихся едва десятая часть получена». *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* 1786—87 гг. увѣдомило при своей кончинѣ «малое число подписавшихся», что «причина пресѣченія та, что издатель доселѣ и пятой части издержаннаго иждивенія не возвратилъ». Въ заявленіи о прекращеніи *Зеркала Свѣта* (1786 — 87 гг.) читаемъ, что «малое число подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того менѣе на будущій явившихся, утвердили давно извѣстную о писателяхъ, общую пользу предметомъ имѣющихъ, истину».

Вообще въ то время могли выдерживать по нѣскольку лѣтъ только такія изданія, которыя пользовались субсидіями (отъ академіи наукъ, Обществъ, Императрицы) или издавались содержателями типографій, какъ приложеніе къ *Вѣдомостямъ*, которыя и тогда расходились въ значительно бѣльшемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ журналы. Впрочемъ, *Московскія Вѣдомости* до 1779 г. имѣли тоже не болѣе 600 подписчиковъ, и только съ переходомъ изданія ихъ къ Новикову, который всячески стараясь объ ихъ улучшеніи и оживленіи, число подписчиковъ стало возрастать и дошло до 4,000. Какъ на исключеніе, въ ряду журналовъ XVIII в., по ихъ успѣху, слѣдуетъ указать на нѣкоторые сатирическіе семидесятихъ годовъ, особенно на *Живописецъ* Новикова (съ апрѣля 1772 до іюля 1773 г.). Успѣхъ въ данномъ случаѣ выражался, впрочемъ, не въ количествѣ собственно подписчиковъ, такъ какъ журналъ печатался, несомнѣнно, тоже въ какихъ-нибудь двухъ стахъ или немногимъ болѣе экземпляровъ, а въ томъ, что къ концу года понадобилось второе изданіе журнала, а затѣмъ, въ 1775 и 1781 гг.—третье и четвертое (въ 1793 г. вышло еще пятое). Вообще въ то время книги получали извѣстность, повидимому, медленно, и охотники на тотъ или другой журналъ оказывались нѣрѣдко тогда,

когда журналъ уже успѣвалъ прекратиться за малымъ числомъ подписчиковъ *).

Если сопоставить съ этими фактами судьбу *Московского Журнала*, то она оказывается, сравнительно, благопріятною. Замѣтимъ, что когда Карамзинъ началъ изданіе своего журнала, онъ былъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, и, съ другой стороны, что въ этомъ году (1791) издавалось еще 14 другихъ журналовъ, большая часть которыхъ была основана ранѣе и могла заручиться уже нѣкоторымъ числомъ подписчиковъ. И, тѣмъ не менѣе, уже на первый годъ *Московский Журналъ* имѣлъ болѣе 250 подписчиковъ, а на слѣдующій годъ ихъ число, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, какъ это случалось тогда нерѣдко съ другими журналами, возросло до 300. Что журналъ, хотя и медленно, но пріобрѣталъ извѣстность и сочувствіе, видно изъ того, что помѣщенные въ немъ статьи Карамзина потребовали въ 1794 г. отдѣльнаго изданія (подъ названіемъ *Мои бездѣлки*), которое было повторено въ 1797 г., не считая отдѣльных изданій *Бѣдной Лизы* и *Писемъ русскаго путешественника*, и что потребовалось также второе изданіе всего журнала въ 1801—1803 гг.

О впечатлѣніи, произведенномъ статьями журнала, особенно принадлежавшими самому Карамзину, мы можемъ судить изъ рассказовъ современниковъ, наприм., О. Н. Глинка и другихъ. Къ началу 1800-хъ годовъ, когда Карамзинъ былъ приглашенъ въ редакторы *Вѣстника Европы* (журнала сравнительно дорогого, стоившаго 12—15 р. въ годъ), имя его пользовалось такою извѣстностью въ публикѣ, что уже ко времени выхода первой книжки журнала у него было 580 подписчиковъ, а къ концу года число ихъ достигло неслыханной ранѣе цифры—1,200, и Карамзинъ на второй годъ изданія могъ получать уже съ журнала, по его собственнымъ словамъ, 6,000 р. дохода.

II.

Значеніе «Писемъ» и литературное развитіе ихъ автора.

Письма русскаго путешественника были самымъ значительнымъ произведеніемъ Карамзина за всю первую половину его литературной дѣятельности. Ни въ какомъ другомъ его произведеніи этого періода (можно сказать даже—ни въ какомъ другомъ произведеніи русской литературы вообще конца прошлаго вѣка) не было соединено столько образовательнаго матеріала, столько интересныхъ данныхъ объ европейской литера-

*) Какъ на изданіе, явившееся исключеніемъ по продолжительности существованія, слѣдуетъ указать на *Политическій Журналъ* (ежемѣсячный), составлявшій переводъ такого же нѣмецкаго журнала, издававшагося въ Гамбургѣ, и выходившій въ теченіе 41 г., съ 1790 по 1830 г., подъ редакціей профессоровъ Московскаго университета Сохацкаго и Гаврилова. Заключая въ себѣ всѣ тогдашнія иностранныя политическія новости (хотя и появлявшіяся въ русскомъ переводѣ на третій мѣсяцъ) и выходя довольно аккуратно, журналъ этотъ успѣлъ заручиться извѣстнымъ кружкомъ читателей и могъ продержаться долѣе всѣхъ своихъ собратьевъ.